

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ СИМВОЛА В СТИХОТВОРЕНИИ К.БАЛЬМОНТА «ВОЗЗВАНЬЕ К ОКЕАНУ»

Н. Н. Сыромля

В статье анализируются лексические и синтаксические средства выражения символа в стихотворении К. Бальмонта «Воззвание к океану».

Ключевые слова: лингвистический анализ, символ, «океан», К.Бальмонт, лексические и синтаксические средства, синтез

В статті аналізуються лексичні та синтаксичні засоби створення символу у вірші К. Бальмонта «Звернення до океану».

Ключові слова: лінгвістичний аналіз, символ, «океан», К. Бальмонт, лексичні та синтаксичні засоби, синтез

Lexical and syntactical means of expressing the symbol in K. Balmont's poem «Appeal to the Ocean» are analysed in the article.

Key words: linguistic analysis, symbol, «ocean», K. Balmont, lexical and syntactical means, synthesis

В ориентации европейских социогуманитарных наук в прошлом столетии произошел весьма существенный сдвиг, связанный с осознанием того фундаментального обстоятельства, что «между человеком и объектом всех его возможных постижений – миром – находится «третий мир языков культуры» [1, с.15]. Уже в начале XX столетия в России началось формирование новой – культуроцентричной парадигмы гуманитарного мышления и мировосприятия. С этой точки зрения особенно интересны философские и эстетические движения отечественной мысли.

Русский символизм признан выше процитированными авторами «важнейшим интеллектуальным движением, чье значение в деле «культурологического расширения» гуманитарного сознания невозможно переоценить» [1, с.17]. Конечно, акцент делается на теоретических трудах А. Белого, Вяч. Иванова, П. Флоренского, однако основная примета художественного, музыкального, изобразительного искусства этой эпохи – символ. Для поэтов-символистов слово-символ – «могучее средство преображения человека и преобразования всего сущего» [6, с.31].

Актуальность. Согласно исследованиям А. Вежбицкой, любой концепт, выраженный языковой единицей, содержит «элементарные смыслы», универсальные и семантически неразложимые, т.е. «закодированные во всех языках» [3, с.8]. На наш взгляд, подобным требованиям отвечают слова, обозначающие природные стихии. Среди интересующих нас концептов, зафиксированных Ю.С. Степановым в книге «Константы: Словарь русской культуры», находим «огонь» и «воду», анализируемые в рамках одной статьи, что продиктовано особенностями славянской традиции употребления и восприятия этих понятий [7, с.269-284].

Ю.М. Лотман, занимавшийся исследованием образов природных стихий в русской литературе, пишет: «Герой Пушкина живет в бытовом мире..., в кризисные моменты бытия соприкасаясь со стихиями; герой Достоевского погружен в мир борения быта и стихий, герой Блока живет среди стихий. ...Тенденции, получившие в творчестве Блока вершинное выражение, ... присущи символизму как целому» [5, с.819]. Ю.М. Лотман доказывает, что происходит изменение отношения к стихийному началу, образы природных стихий «становятся доминантами, входят в основные противопоставления символистской картины мира» [5, с.819]. Наша исследовательская **цель** состоит в анализе процесса и языковых средств создания символа поэтом-символистом.

О двойственности как основном признаке символа, когда «А указывает на В», писал А.Ф. Лосев [4, с.3]. К. Бальмонт, характеризуя свою поэзию, отмечает, что в ней «...органически сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота» [2, с.15].

«Сборник „Будем как солнце” – самая популярная и знаменитая книжка Бальмонта, закрепившая за ним звание первого поэта среди модернистов (она разошлась в полгода в количестве 1800 экземпляров, что по тем временам считалось неслыханным успехом для поэтической книги)» [2, с.15]. Блок отзывался об этой книге как о «единственной в своем роде по безмерному богатству» [2, с.15]. Мы предлагаем проанализировать с лингвистической точки зрения символ, создаваемый поэтом в стихотворении из первого цикла этой книги – «Четверогласие стихий».

«Воззвание к океану» – пример обращения поэта к стихии воды как символу хранителя информации, основы жизни, древнейшего свидетеля мироздания:

Океан, мой древний прародитель,
Ты хранишь тысячелетний сон.
Светлый сумрак, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедший, небосклон!

Бальмонт в одном из своих эссе развивает мысль о том, что в природе все вообще тяготеет к синтетическому слиянию: «Мир исполнен соучастий. Природа – нерасторжимое всеединство. Звездные

дороги Вселенной слагают одну поэму, жизнь есть многосложное слитное видение» [6, с.34]. Поэтому в первой строфе мы встречаем *светлый сумрак, водный...небосклон*. Первое словосочетание носит мелиоративную окраску благодаря прилагательному *светлый* семой «добрый», помогающему воспринять сумрак не как «мрачность», а как просвечивающую из глубины неизведанность. Метафора *водный небосклон* – пример реализации основной идеи символистского мировосприятия – идеи синтеза. Комментируя высказывания Вяч. Иванова о том, что «синтеза возжаждали мы прежде всего», И.Г. Минералова пишет: «Синтез необходим, чтобы символ достиг ... фантастической силы – оба феномена в сознании символистов жестко взаимосвязаны» [6, с.30-31].

«Два содержания» как необходимое условие существования символа обнаруживаются в исследуемом стихотворении: «реальный образ», необходимый для пластического закрепления смутно-субъективного переживания» [8, с.55], – океан, внутренний образ, «скрытая отвлеченность» раскрывается в последней строке стихотворения: «Дай мне быть твоей пылинкой влажной, // Каплей в вечном... Вечность! Океан!». Ю.С. Степанов, ссылаясь на исследования А.Ф. Лосева, пишет, что *вечный* в индоевропейской культуре «означает не просто вечное», а «вечно юный», «вечно дрящущееся» [7, с.827].

Океан у Бальмонта одухотворяется, что происходит благодаря активизации окказиональных денотативных сем «одушевленность», «способность совершать физические действия»: *жизнедатель, мститель*. Как правило, актуализируют такой смысл глаголы конкретных физических действий (*хранишь, дышишь*), полные причастия и прилагательные, выполняющие роль эпитетов (*ушедший, знающее, видевшее, бессмертным*): Зеркало предвечных начинаний, // Видевшее первую зарю, // Знающее больше наших знаний, // Я с тобой, с бессмертным, говорю!

Помимо одухотворения океана, происходит его «овеществление», выражающее желание поэта соотнести стихию с разными реалиями – рождается метафора *зеркало предвечных начинаний*. В исследованиях отмечалось, что метафора является основой символа в искусстве, именно двойственность, перенос смысла и эмоциональной окрашенности образа на идею является обязательным условием возникновения символа.

В третьей строфе одушевленность, равенство вечности и жизни выражается с помощью противопоставления, эксплицированного с помощью усилительной частицы *же* в рамках бессоюзного сложного предложения: Ты никем не скованная цельность, // Мир земли для сердца мертв и пуст, – // Ты же вечно дышишь в беспредельность, // Тысячами юно-жадных уст!

Мир земли противопоставляется *беспредельности*: в первом словосочетании реализуется сема «место погребения», которая усиливается краткими прилагательными *мертв и пуст*, характеризующими этот *мир* и ставшими в контексте строфы синонимами. *Беспредельность* на этом безжизненном фоне обретает ярко окрашенное контекстуальное значение бесконечного пространства жизни, которое актуализируется благодаря созданному семантическому полю жизни-молодости: *вечно дышишь* (значит, живой), *юно-жадных*.

В последней строфе олицетворение выстроено посредством сравнения и контекстуально антонимичных полных имен прилагательных первой строки, последнее из которых является авторским сложным адъективом: Тихий, бурный, нежный, стройно-важный, // Ты – как жизнь: и правда, и обман, // Дай мне быть твоей пылинкой влажной, // Каплей в вечном... Вечность! Океан!

Среди приемов, избранных поэтом для создания символа, находим семантический повтор, выстроенный от первой строки до последней по нарастающей с кульминацией-называнием «скрытой», глубинной стихии, описываемой в стихотворении: *древний, прародитель, тысячелетний, жизнедатель, предвечных, бессмертным, вечно, в вечном, Вечность*. Несложно заметить также в каждой строфе обращение к океану, выраженное личным местоимением 2-го лица единственного числа.

Таким образом, для лексических средств выражения символа характерны: нарушение лексической сочетаемости слов, семантическое сближение контрастных в семантическом смысле лексем, создание авторских сложных адъективов. Формирование символа идет по пути выдвигания окказиональных сем «одушевленность», «способность совершать физические действия», использования семантического повтора, «подсказывающего» читателю «потусторонний» план содержания символа.

Анализ синтаксических средств выражения символа вечности – океана позволяет констатировать следующее. Из девяти предложений в стихотворении семь – с одной предикативной основой, из десяти предикативных синтагм (включая входящие в состав сложного) шесть являются двусоставными, восемь распространенные, семь осложнены обращениями, однородными сказуемыми и подлежащими, дополнениями, определениями, обособленными членами предложения, выраженными причастными оборотами, в том числе однородными. Среди четырех односоставных – три предложения с предикативной синтагмой, выраженной подлежащим, и, соответственно, одно – императивное: *Дай мне быть твоей пылинкой влажной....* Номинативы реализуются посредством абстрактных имен существительных *сумрак, небосклон, вечность, океан*. Для предложений характерен прямой порядок слов, что особенно заметно в отношении главных членов предложения, преобладающий тип синтаксической связи в словосочетаниях – согласование: *древний прародитель, тысячелетний сон, водный...небосклон, предвечных начинаний, первую зарю* и т.д.

Выводы. Всеми комплексу выбранных К. Бальмонтом лексических и синтаксических средств языка присуще использование повторяющихся конструкций – все это создает имитацию процесса возникновения ассоциаций, что способствует включению воображения. Легкость, простота конструкций освобождает читателя-соавтора, сотворца символа от напряженного мыслительного процесса при зрительном восприятии и дальнейшем осмыслении поэтического текста для прочтения символического содержания произведения.

Литература:

1. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков). – 2-е изд., испр и доп. – М.: ОГИ, 2001. – 344 с.
2. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. /Сост., вступ. Ст. и коммент. АГ. Макогоненко; Ил. и оф. Н.Е. Бочаровой. – М.: Правда, 1991. – 608 с.
3. Вежбицкая Анна Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. в англ. А.Д.Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. – (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – 367 с.
5. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб: Иск-во, 2003. – 847 с.
6. Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма: Учебное пособие / И.Г.Минералова. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 272с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990с.
8. Эллис (Кобылинский Л.Л.) Русские символисты: Константин Бальмонт. Валерий Брюсов. Андрей Белый / Гл.ред. Е. Кольчужкин; В оф. исп. работа Л.Бакста. – Томск: Водолей, 1996. – 288 с.